

Ульяна
Берикелашвили

**Байки про
Фею
и Ганнибала**

сны о прошлом

Ульяна Берикелашвили

**Байки про Фею и
Ганнибала. Сны о прошлом**

«Издательские решения»

2015

Берикелашвили У.

Байки про Фею и Ганнибала. Сны о прошлом /
У. Берикелашвили — «Издательские решения», 2015

В Фей давно никто не верит. А вот она, представьте себе, живет среди вас, учится в медицинском университете, гоняет чай с плюшевым медведем Ганнибалом, по совместительству несостоявшимся Властелином Мира, и пишет байки. Откройте для себя мир, в котором реальность упакована в сочную иллюзию, где существуют говорящие игрушки-мизантропы и Фея Лесной крови, где Демиург, Шива, ведьмы и прочие непонятные персонажи — вовсе не повод для спора на религиозной почве, а просто хорошие собеседники.

Содержание

Intro	6
Байка 1. Про подоконники, начало и чаепитие	7
Байка 2. Про игрушки, деспотов и друзей	8
Байка 3. Про Мужчин Моей Мечты	10
Байка 4. Про оленей и реинкарнацию	11
Байка 5. Про Фею и фей	13
Chorus. Что поделаешь...	15
Байка 6. Про событие мирового масштаба	16
Байка 7. Про кашель, бомжей и пин-коды	17
Байка 8. Про анонсы и рисунки	18
Байка 9. Про клыки, людей и Ганю	19
Байка 10. Про отдых и большую грудь	20
Chorus. Безымянная	22
Байка 11. Про названия и рефлексy	23
Байка 12. Про мыльные пузыри, Wi-Fi и драму	24
Байка 13. Про болезнь и выходы	26
Байка 14. Про воспитание жестокости у Фей	27
Байка 15. Про синдромы и шантаж	29
Chorus. Речь	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Байки про Фею и Ганнибала сны о прошлом

Ульяна Берикелашвили

© Ульяна Берикелашвили, 2015

© Дмитрий Лир, фотографии, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Подростки младше 18, беременные (особенно беременные подростки), активно верующие, ВЕГЕТЕРИАНЦЫ и подобные, а также неуравновешенные натуры, склонные к нечеткости речедвигательных процессов, ошибкам мышления и сенсорной неадекватности – ПРОСЬБА ВОЗДЕРЖАТЬСЯ ОТ ПРОЧТЕНИЯ.

Я не знаю, для чего другие пишут рецензии, мне просто понравилась ваша Фея. Часто я ее не понимаю, не одобряю даже. Тем не менее, мне она очень симпатична.

Своею самостью и желанием быть собой. Тем, что может не бояться мнений, и отголосков мнений, и отголосков отголосков мнений.

Тем, что она – это она. Удачи вам, и пишите, я буду читать.

В. Д.

Intro

Фея забралась на подоконник и решительно замолчала. В её огромных глазах не отражалось ничего, кроме равнодушия. Пальцем она что-то выводила по запотевшему стеклу, через мгновение стирая странные завитушки.

– Ну, Феечка, милая! Неужели ты не понимаешь, как это важно? – умолял её пожилой седовласый Мужчина в белых одеяниях, боясь прикоснуться к хрупкому созданию. Она в ответ лишь усмехнулась и продолжила рисовать полупрозрачные символы.

– Посмотри, тебе нужно сделать всего лишь пару взмахов и всё! – он искусно рассёк воздух металлической палочкой и замер в ожидании. Фея лишь краем глаза следила за его движениями и её губы что-то беззвучно шептали.

– Я не могу. – Наконец сухо произнесла она. – Мне очень жаль, но я не могу... – Фея поджала губы и уткнулась головой в колени. Мужчина осторожно задел её, погладил по плечу:

– Это не сделает тебя равнодушной, как ты думаешь... Это же чудо, самое настоящее чудо! Благодаря этому ты спасёшь жизни многих людей! Вспомни, зачем ты здесь!

Глаза Феечки стали в мгновение льдисто – голубыми. Она помнила, зачем она здесь. И она знала, что должна сделать это.

– Вот так – то лучше, – улыбнулся Мужчина и передал Фее её оружие. Она хищно улыбнулась и провела пальцами по хранившему тепло металлу скальпеля.

– Давно пора перейти на виртуальную вивисекцию! – Во весь голос заявила Фея, а Мужчина хмуро улыбнулся и лишь пожал плечами.

На запотевшем стекле медленно растекались рисунки кровеносной системы лягушки.

Байка 1. Про подоконники, начало и чаепитие

Как-то вечером, сидя на подоконнике, я пила чай и попутно жаловалась Ганнибалу. Мой личный психоаналитик и шизофрения в одном лице сидел напротив меня, сверля глазами-бусинами. Ганнибал – медведь. Плюшевый медвежонок весьма позитивного вида и содержания. Последние четыре года он часто сопровождал меня на прогулки и был в курсе всех моих дел и эмоций. А я... Я – Фея, которая странным образом очутилась в странном мире и теперь пытается в нем жить. Именно жить, а не выжить. Люди почему-то больше любят второй вариант.

– И никто ведь не видит всей этой красоты, Ганя... Никто не хочет понять, что миру больно. Вот взять, к примеру, парк около дома. Захламлён полностью, словно свалка какая-то. Всё выбрасывают, будто до мусорной урны дойти сложно... Эх!

Я поморщилась и уткнулась в коленки.

– ...а выборы эти помнишь? Сплошное недоразумение. Из кого выбирать то? Одни... – через минуту я умилялась новой мысли у себя в голове. Произносить витиеватую нецензурную речь не хотелось.

Ганнибал внимательно слушал, всё так же молча и равнодушно.

– О, смотри! – воскликнула я, завидев мерцающие огни за окном. – Видел? И ещё! Красивый фейерверк, не правда ли? Наверное, кто-то отмечает праздник... Интересно, какой?

Я потянулась за остывающим чаем, мечтательно отпила и продолжила:

– А помнишь, мы с тобой гулять ездили... Ты видел на девушке рядом шикарный бирюзовый шарф? Нет?...а что с тебя взять! Ты же плюшевый...

– Сама ты плюшевая! – огрызнулся Ганнибал, поправив изображение Будды у себя на груди. – Задолбал меня твой Вавилон! У меня Олегович лежит, недочитанный, а ты меня своими шарфиками моришь... ЭЭЭх!

Байка 2. Про игрушки, деспотов и друзей

Мы сидели с Ганнибалом на нашем любимом подоконнике, пили чай и размышляли. Ганнибал вечно обдумывает увиденное, ищет в событиях скрытый смысл и мне кажется, давно бы достиг просветления, если бы не я. Его вечный тормоз.

Он недавно закончил читать новую книгу Олеговича, и теперь не мог усидеть на месте. Ему всё хотелось бродить по комнате и говорить, говорить, говорить... Я же крепко прижимала его к себе по привычке, не обращая на жалкие потуги вырваться.

– Ты! Ты – игрушковый деспот! – кричал он, оставив попытки убежать.

– Все дети такие. – Заявила я, глядя в вечернюю темноту. – И вообще, нет такого слова, игрушковый.

– Всё равно ты – тиран! Почему я должен сидеть с тобой, пить чай, когда в голове совсем не те мысли?

Я развернула его к себе мордочкой, и удивлённо посмотрела в его большие пластмассовые глаза.

– Наверное, потому, что мы друзья.

Я отвела печально взгляд, пытаюсь понять его возмущение. Ганнибал замер и прижался ко мне со всей силой, на которую способен плюшевый медведь. Внутри него клубочком свернулась грусть.

– Прости, иногда я тоже бываю... веду себя по-человечески.

– Прости меня, иногда и я забываю, что ты сильная личность...

Ганнибал уткнулся в руку и задумчиво посмотрел за окно. В тёмно-синем бархате неба висел мост из оранжевых земных фонарей и тусклых белесых звёзд. Воздух был свеж по-весеннему, пахло разбухшей древесиной и мокрой почвой. Сладкий, насыщенный воздух. Так и хотелось вдыхать его шумно, до опьянения.

– Если бы все игрушки были, как я, на земле установился бы мир. – Со всей гордостью, на которое способно плюшевое сердце и бесконечный разум, медвежонок заявил через пять минут упоения.

– Это почему же?

– В подавляющей массе игрушки безвольные тела, не способные на ответные реакции и надлежащее обучение подрастающего поколения. Нет, я не отрицаю их бессловесной роли в познании ребенком мира... Но если бы все были, как я, то из малышей не выросли бы циничные, озлобленные люди.

– ...?

– Просто в детстве закладывается фундамент личности, про наследственность мы поговорим позже... Если ребенок издевается над игрушками, испытывает желание изрезать их, управлять их мыслями и чувствами, то и по мере взросления он будет переносить свои эмоции на окружающих.

– От выдуманной реальности переходит к...

– Да, и всё прочнее люди вязнут в паутине собственных поступков и желаний. Устанавливаются рамки и нормы поведения серой массой, в основе которой находится, как ни странно, чувствующий иначе и желающий быть самим собой человек.

– Это что получается, все хотят одного и того же, и в тоже время ставят себе палки в колёса? – хохотнула я, обдав горячим дыханием стекло. На мутном пятне я тут же нарисовала человечка и провела полосу по его голове.

– Сами виноваты. Это всё желание править и управлять...

Чай уже остыл, теперь он пах по-другому. Запах костров отошёл на задний план, а на поверхности бушевал аромат чернослива. Я поправила подушку за спиной, усадила поудобней медвежонка.

– Ты можешь идти и обдумывать прочитанное... Я не хочу быть тираном.

– Мы же друзья, – Ганнибал заговорщицки подмигнул и попросил налить ещё чаю.

– Давай помедитируем?

– Давай, только чур, я выбираю пространство. А то твои тибетские золотые пещеры меня скоро достанут, ну устал я от них, Фейка...

Байка 3. Про Мужчин Моей Мечты

Хью появился под утро. Небритый, с двухдневной щетиной, в слегка пахнувшей потом рубашке.

– Опять съёмки? – сонно протянула я, пытаюсь проснуться.

Хью кивнул и начал переодеваться:

– Совсем измучали, в который раз эта роль. Но уж раз взялся играть, значит надо. Приквел, блин.

– А, начало начал... – прыснула я отчего-то со смеху. – Ты мне в love story нравишься больше. Ну-ка, сделай так, как я люблю...

Он удивлённо посмотрел, но повторил свой эротичный жест из фильма. Этаким скользким взглядом к руке на поясе и обратно на меня. При этом Хью закусил губу.

Сердце моё таяло. Поправила невинным жестом рядом подушку:

– Я тебе на раскладушке постелила. Как всегда.

Не растаяло.

– А может быть... – намекнул Хью, завораживая меня блеском своих глаз. – Я ещё так жест сделаю?

Он сделал шаг по направлению ко мне, но дорогу ему что-то преградило.

– Ты чего, не понял, что тебе на раскладушке постелено! – пищало что-то коричневое у ног Хью. – Сколько раз повторять? Каждый раз одно и тоже... Сам с ёлку, голова с шишку?!

– Простите, Ганнибал. Я ничего такого не подумал... На ваше святое место и не покушался! – оправдывался Хью, склонившись над медвежонком. Через пару минут он уже мирно лежал неподалёку, и только голые ноги торчали из-под одеяла.

Хью выглянул только раз, когда я умилённо прошептала:

– Ну, мой мужчина! Орёл! Иди ко мне в мои объятия! – и уложила Ганнибала рядом с собой, нежно прижимая к груди.

Медвежонок расплылся в гордой улыбке и подмигнул Хью:

– Учись, как надо.

– Мне до вас как до Эвереста, сударь.

Байка 4. Про оленей и реинкарнацию

Эта история началась, когда в тундру приехал один буддист. Он тщетно искал просветления, пытаясь достичь буддхи за одну земную жизнь, потому как буддистом он стал всего года полтора назад, а кармических плохих поступков накопилось огромное количество.

Эвены, среди которых поселился наш герой, были сплошь православные и ходили в шубах, поэтому на их фоне оранжевый пуховик приезжего сильно выделялся.

А может быть, и не цвет – звери вообще не различают цветов, привлёк оленя по имени Тишка. Он был крайне любопытный и впечатлительный олень, поэтому его часто видели у чума приезжего.

– Всё, больше я не ем ягель! Я сострадателен, вдруг это реинкарнация моей матери? – трагично заявил как-то Тишка.

Его сотоварищи косо посмотрели на него:

– Чего ты брешешь? Твоя мать жива – здорова, к гону готовая... Какая реинкарнация?

– Вы ничего не понимаете, вы мне завидуете, что я – буддист! Я стремлюсь к просветлению, и в новой жизни стану человеком! – продолжал Тишка, невзирая ни на что.

– То есть ягель ты есть отказываешься?

Тишка мотнул головой:

– Страдание и сострадание – вот мои добродетели...

– Ох уж, эти мне приезжие. Начитаются всего подряд, дурят голову нашему брату. – Вежливо заметил старый олень Егор Петрович. – Простонародный буддизм среди мирян в моде, я смотрю.

– И не говорите, такую махину знаний адаптировать для подобного уровня и настолько убого... Ужас, куда катимся? – не смог не согласиться Александр Филаретович, жуя лишайники. – Ты бы, Тишка, лучше поел бы...

Но гордый олень мотнул головой и направился к приезжему. Просветляться за компанию.

Дня три он не ел, а только слонялся по пастбищу, отпуская колкие замечания.

На четвертый день сердобольные эвены повалили его и перерезали горло, чтобы скотина не мучилась от неведомой болезни и даром не пропала.

На самом краю пастбища, вдали от людских глаз мирно кормились, поминая Тишку, два его знакомых уже нам сотоварища:

– Даа, к выбору религии нужно подходить с умом, а не слепо отдаваясь чувствам. Вы согласны со мной, Егор Петрович?

– Не будь мы с вами знакомы в прошлой жизни, я бы притворился глухим оленем и продолжил есть ягель, Александр Филаретович... Нам ещё самок оплодотворять надо, вы не забыли? Гон у нас...

Александр Филаретович гордо затряс головой:

– И правда, религия религией, а наши с вами частые разговоры могут привести под нож. И так косо поглядывают... Давайте, пободаемся?

– Давайте.

А хозяин стада любовно глядел на орущих мощных самцов, бодающихся с храпом неподалеку. И совсем забыл, что пару минут назад размышлял, убрать ли одного из них. Мало ли чего, про мужскую любовь эвены тоже слышали. Страшнее буддизма, говорят...

***

– Так вот ты какой... Северный олень. – Протянула я. – Подожди, Ганнибал, а с какой это стати олени вдруг беседуют на подобные темы? И вообще, почему...

– А ты почему с плюшевым медвежонком разговариваешь?

Мы переглянулись и в голос рассмеялись:

– Отпусти меня, чудо-трава!

Феи и игрушки, к вашему сведению, не употребляют подобную дрянь, нам и без неё хорошо. Печенек в вазочке оставалось ещё много, поэтому мы продолжили беседу дальше, но это уже другая история...

Байка 5. Про Фею и фей

Гуляем с Ганнибалом по осеннему городу. Вечер, немного пасмурно, но мир вокруг пахнет туманами и костром. Иногда проезжает мимо машина, и Ганнибал чихает, недовольный ароматами бензина и пыли в свежем пряном воздухе.

Я прижимаю его к себе, что-то мурлычу под нос и иду, не разбирая дороги. Под ногами шуршат опавшие кленовые листья, и когда ими играет ветер, то они похожи на ярко-жёлтых бабочек...

Из потока сознания меня резко выносит шум гравия и сигнал автомобиля. Я останавливаюсь и смотрю, как вровень с моими шагами едет чёрный мускулистый зверь. За его рулём сидит улыбающийся довольный человек. Он нетерпеливо спрашивает меня сквозь приоткрытое стекло:

– Медвежонок не замёрз?

Ганнибал посылает мужчину подальше, но я вовремя затыкаю ему рот рукой.

– Нет, нам тепло...

– ААААааа, – протягивает мужчина, останавливая машину. – А что так поздно гуляем и такие красивые?

– Спасибо, сударь. – Вежливо кланяюсь я, польщённая комплиментом. – Вы очень любезны.

Мужчина смеется, запрокидывая голову, и распахивает дверцу довольно:

– Чудная ты... Фея? – Тут он подмигивает мне, немного странно.

Я краснею от удовольствия и, нагнувшись к нему, мурлычу:

– Неужели так заметно, что я – Фея? Я вроде скрываю...

– ...Так поехали!!! – от странной радости подпрыгивает мужчина.

– Куда?

– В сауну!

– Зачем?

– Так ты же фея!

– Ну фея... А в сауну-то зачем? Крылья намокнут...

Мужчина непонимающе вертит головой:

– Так ты фея или нет? Запутала совсем!

– В смысле? Нас же не так много, чтобы путаться. – Непонимающе мотаю головой, удивляясь.

Мужчина чешет голову, нервно смеется и тянется к бумажнику:

– Так, там за углом берут по полторы за час. Феи, блин... А ты сколько?

Я смотрю на него в упор, не мигая, и оголяю клыки:

– Ты про проституток, что ли?

От такой резкой перемены его начинает трясти, он прячет бумажник. Осенняя сказка сменилась на вечерний хоррор.

– А то всё заладил, фея – фея... Как вы надоели уже, дети взрослые. Небо назвать голубым боитесь... Недобитый романтик!

– Чего? – сходя с ума, мужчина закрывает дверцу и пялится на меня.

– Пикник послушай, чего! – улыбаюсь я ему во весь клыкастый рот.

Ганнибал кивает головой, его рот уже свободен и потому он кричит незадачливому собеседнику:

– За углом феи, а эта – Фея с Большой Заглавной Буквы. Вот!

Увидев, как плюшевый мишка разговаривает, мужчина кричит от ужаса и уезжает прочь.

– Выросли детишки... Сказки их пугают... Реальность то страшнее. – Сквозь зубы рычу я.

Ганнибал жмурится и молча прижимается ко мне.

На мгновение я замираю на тротуаре и, глядя в вечернее небо, едва не плачу.

– Из-за людей так печалиться не стоит... Их пять миллиардов и своя голова на плечах. Хоть и дурная. – Пожимает плечами медвежонок. – Пошли домой, холодно.

Chorus. Что поделаешь...

Ты – мой враг.
А я – твой враг
по законам старым боя.
Привыкай. Идёт война.
Надоело. В небо вою.
Руки, что не на плечах,
Осторожно на прикладе.
Наблюдай.
Идёт война.
Всё не веришь?...и не надо.
На прицел возьми судьбу,
Расстреляй мои ошибки.
Я – сумею.
Я – смогу!
На прощание улыбку
Подарю тебе назло,
Ведь душа ещё живая.
Одарю тебя свинцом
В небо вместе улетаем...
Ты – мой враг,
А я – твой враг,
Но равны мы перед смертью.
Вместе скатимся в овраг
И сплетемся крови медью.
Тебе страшно умирать?
Кровь из горла хлынет...
Больно...
Что поделаешь – война...
Засыпаем вместе.
Вольно.

Байка 6. Про событие мирового масштаба

Я стояла у двери и искала в необъятной сумке ключи. За дверью был слышен писк и беготня маленьких ножек. Стук, грохот и вопли, еле различимые, напугали меня, и я резко ворвалась в дом.

На меня смотрели пять пар глазок – бусинок в упор, не мигая.

Я устало поставила сумки на пол, и потянулась к молнии на сапоге.

– Ну что сегодня случилось? – присела я и посмотрела на игрушки. Они замерли в немом испуге и теперь переглядывались, кто же начнёт.

В гостиной кто-то продолжал сдавленно орать. Я, не обращая внимания, на остальных, надела тапочки и двинулась на крик.

– Феечка, не надо... – пискнул слон, ярко-жёлтый Одуван. – Мы еле его уgomонили...

За диваном валялся Ганнибал. Связанный по лапкам изолентой и обрывками пакетов. Рот был заклеен малярным скотчем.

Стоило мне осторожно отдёрнуть край белой липкой ленты, как Ганнибал оглушил меня потоком информации:

– У Олеговича новый роман выйдет в конце месяца! Там почти что про меня!!! Купи мне книжку, Фейка! Я тебе три... нет, два курса психоанализа проведу и год бесплатно консультировать буду! Только купи, я же плюшевый, а ты стипендию получаешь!!!

– Продажная тварь, – улыбнулась я, заклеив скотч обратно. – И давно он так?

– С утра-ааа, – выдохнул Вафель, бирюзовый пёс, и уткнулся устало носом мне в бедро.

– Ну, тогда пусть отдыхает. Чай будем пить? – улыбнулась я и направилась на кухню.

Байка 7. Про кашель, бомжей и пин-коды

Я зашлась в новом приступе кашля. Он сухой, выводящий меня из себя. В такие моменты я задыхаюсь, мне не хватает сил, чтобы подавить его и замереть. Мне кажется, что в подобном состоянии я ужасна...

Но это только видимость. На самом деле это только меня сотрясают подкатывающие к горлу волны, а мир-вокруг-меня безропотно спокоен и вежлив.

...Фея больна.

У Феи стрессовая простуда. Фея видела ТАКОЕ, от чего её бедные воздушные крылья вывернуло и с хрустом надломило. Она не была готова к подобным циничным вещам, поэтому вовремя не смогла надвинуть щиты и стиснуть зубы... Какое-то время она держалась молодцом, но ночью её скрутило в кошмарном сне, и она проснулась вся в испарине, липкая и напуганная.

– Фейка, ты бы это... молока, что-ли, выпила. Нельзя же так! – Заботливо ноет Ганнибал у ног, носясь по дому с пакетом молока и хрупкой чашечкой.

Я машу устало рукой и кашляю. Тянусь к полке с лекарствами и нашариваю на ней дешевый, липкий такой сиропчик, столовая ложка утром, днём и вечером. Зато действует хорошо.

Но пью я его из горла, с отвращением подмечая, что похожа на бомжа с боярышником. Ассоциация становится ярче, когда по дому разливается запах этилового спирта – это от больной меня разит, ведь сиропчик не простой.

– Ты так алкоголичкой станешь у меня. – Бурчит Ганнибал и суёт под нос горячее молоко с мёдом. Моё лицо скривилось в ухмылке, я нехотя принимаю заботу медвежонка.

– И с чего ты такой милый? – спрашиваю я. – Даже удивительно...

Ганнибал смущённо улыбается и убегает на кухню. Вафель, верный пёсик, поднимает голову от подушки и заговорщицки шепчет:

– Ты единственная, кто знает пин-код от кредиток... А книжка у Олеговича скоро выйдет, вот он и...

Я в смехе валюсь на кровать и заливаюсь на весь дом. Смех переходит в кашель, я в слезах смотрю на прибежавшего с платком медвежонка и хрипло тяну:

– Семьдесят два пятнадцать и тридцать восемь двадцать пять.

Он хмуро отворачивается, сжав плюшевые кулачки:

– Люблю я тебя, дуру... Вот и забочусь. Помрёшь еще, а я куда, на свалку? Ты меня детям отдать обещала под старость, что я... изверг что ли?

Притягиваю к себе это несносное создание и смачно целую его в носик.

– Отстань со своими нежностями! – кричит он и вырывается. – Заразишь ещё!

– Ты ж игрушковый, ты не заболеешь! – парирую я и прижимаю его к себе сильнее. Минут пять мы лежим молча, а потом я говорю шепотом. – Знаешь, милый, а ты моё самое лучшее лекарство в мире...

Байка 8. Про анонсы и рисунки

– У меня нет времени, чтобы писать миниатюру, Ганя!!! Я тебе книжку купила? Купила! Чего ты еще хочешь?

– Славы. – Простодушно заметил медвежонок.

– А Олеговичу сам письмо написать не хочешь?! – рыкнула я на него недовольно.

Ганнибал пожал плечами, отложил в сторону недочитанный томик и весело пискнул:

– Ага, еще и бандероль на деревню дедушке выслать... Не так уж и много я прошу, всего лишь миниатюру написать, как я наконец-то желаемое получил!

Я выдохнула и отложила тетрадки по учёбе в сторону:

– Обойдётся анонсом, спиногрыз! Я тебе рисунок нарисую лучше. Быстрее выйдет!

...а потом Фея три часа пыталась грохнуть неговорчивую компьютерную программку, чтобы сохранить рисунок в jpeg, но ничего не выходило. А Ганнибал сидел рядом, читал, ржал как лошадь (даром, что медведь) и отпускал разного рода шуточки о том, как было просто написать миниатюру вместо того, чтобы возиться с железом...

Байка 9. Про клыки, людей и Ганю

Ганнибал сидел на подоконнике, во второй раз перечитывая своего любимого Олеговича. Я сидела рядом, молча считала снежинки и чему-то улыбалась.

– Ты опять за своё? – сурово спросил медвежонок, когда я тяжело вздохнула и виновато отвернулась.

– Ага, – только и выдавила я, не в силах посмотреть в его глаза.

– Ну неужели ты думаешь, что это тебя украшает? Ты отвратительна, когда закрываешься от людей. И ведешь себя так, словно всё тебе безразлично.

– А что, мне кидаться им на шею, улыбаться и...

Ганя перелистнул страницу, хохотнул над прочитанным, а потом сердито посмотрел на меня:

– Так нельзя.

– По крайней мере, так честно... И еще, мне просто тяжело. У меня опять режутся зубки...

– Опять? – возмутился Ганя, и полез осматривать мою ротовую полость. – Так и есть, опять эти твои чертовы клыки. Ну, сколько можно?!

Я виновато скуксилась, проводя языком по еле заметным клыкам, которые выросли по мере того, как во мне просыпался хищник. Я попыталась отшутиться:

– Я всё-таки фея лесной крови... Вот и...

– Многих покусала?

Я густо покраснела и сжалась в комок:

– Нет... только в шею... мне нравится кусать.

Ганнибал прошипел, и еще раз посмотрел на клыки:

– Будь осторожна. Тебя могут не так понять. Всё-таки это не шутка, подобное поведение.

– Я тихонечко. Чесслово. Никто не пострадал... даже...

Медвежонок пнул меня и сел прямо на книгу:

– Точно, Фейка, клыки клыками, но пора тебе стать человеком!

Я хмыкнула:

– Нет! Ни за что! Я их не люблю, людей-то...

– Ты просто не умеешь их готовить, – ухмыльнулся Ганнибал и продолжил чтение. – Ладно, живи! Всё равно уж так лучше, чем притворяться. И тем более, кому я еще буду нужен?

Я благодарно кивнула. Он сидел, хихикая над похождениями безымянного для меня героя, а я замерла вновь у окна, считая звезды и снежинки, и лишь иногда проводила языком по маленьким, но острым клыкам...

Байка 10. Про отдых и большую грудь

– Ну ты и... Фейка! – писк этот был знакомый и узнаваемый из тысяч. Я убрала с лица платок, чтобы с недовольством отметить – так и есть, Ганнибал сидел напротив меня, сердито скрестив лапки на груди, и ворчал.

Поначалу я даже подумала, ну всё, приехали. Второго Гани в виде галлюцинации я не переживу. Медведь ведь остался дома, потому как не переносил две вещи – жару и холод. Ах, да, и еще дождь. То у него наполнитель намокнет и станет похожим на кошачий туалет, то у него нитки могут загнить или же наоборот, глазки сплавиться.

– Уууумм, – пробурчала я и намочила платок водой. Не хватало мне солнечного удара.

– Ты чего? Я с кем это разговариваю?! – Вспылил он и заполз мне на колени. – Тьфу, всем ты, Фейка, хороша, только вот грудь у тебя ма...

Он не договорил, потому как был зверски зарыт в песок. Когда Ганя начинает отвешивать мне комплименты насчёт груди, это можно остановить лишь одним способом – насилием.

– Ты чего тут делаешь? Ты же дома остался!

– Ну... это... ты же что сказала, когда поехала загорать?

На секунду я задумалась:

– Хочу купаться... Лето на дворе... Вода теплая...

– Нет, когда умоляла пойти с тобой!

Я представила себя, закрывающей в гневе дверь и кричащей вслед: «А там... а там девушки красивые в купальниках! Вот!»

– Это что ли? Про девушек?

Медведь ехидно улыбнулся, потирая лапки и самодовольно устраиваясь на полотенце.

– Вот с этого и надо было начинать. А то лето, жара, река... Я в багажнике доехал, с балкона выпрыгнув.

И заметив мой испуганный взгляд, добавил:

– Чего мне сделается то, я же плюшевый! Меня триста раз в машинке стирали.

***

Через полчаса я уже сидела и рылась в песке, лепя различные образы – узоры, лица, имена. Сломав законченный, я выводила новый, не задумываясь, стоило ли сохранять и его. Зачем, это путь мира – без разрушения нет созидания. Но от философских мыслей меня отвлек всё тот же Ганнибал. Он уже отчаялся, выискивая себе красивую музу:

– Полновата.

– Бледная.

– Дряблая кожа.

– Эта ничего... Но с ребенком. Ребенок меня замучает. Не то...

– Грудь маленькая.

– Грудь маленькая.

– Грудь маленькая.

Ну всё, плакал мой выходной. Загорать мне теперь в солярии. Я все молчала в ответ, но видимо, сознание перегрелось и решило отомстить медведю – через пять минут на песке нарисовался его образ – от гадких надоедливых глазок до гадкой противной улыбки. И только я хотела было его разрушить, снести, размазать, как обнаружила – Ганнибал утих.

Не веря своему счастью, я повернулась и... не увидела никого. Ну всё, нашел себе жертву, пошёл лапать грудь, притворяясь брошенной позабытой мягкой игрушкой. А мне потом его спасать, прикинувшись плачущей хозяйкой, имя которой нацарапано у него на...

– А чего ты меня так одного слепила? – Проворчал Ганя, сидя рядом и поправляя лапкой песчаному Гане улыбку. – Слепила бы женщину еще.

Пришлось лепить.

– А что у неё грудь, как у тебя, Фейка?

Пришлось лепить больше.

– Маловата.

Еще добавила.

– Всё равно маловато будет...

– Ну что ты заладил, как мужик из мультика!!! Песка не хватит! – вспылила я и раскидала рисунок в разные стороны, не оставив ничего.

Ганя лишь пожал плечами:

– А всё равно. Я их сфоткать успел.

***

Остаток дня я пролежала, лениво нежась под солнцем. Теплый песок, прекрасная вода и залепленный скотчем Ганнибал под головой – что может быть лучше?

Chorus. Безымянная

Господи...
...ты дышишь во мне или я забываю про воздух?
Забываю про то, что всё – просто.
Что запутаться можно без спроса...
Господи... только это вопросы.
...все в пути затерялись ответы.
Или просто их нет на свете,
Потому что вопросы без смысла.
Если так, то я просто зависла
Меж мирами.
Мой Господи, вечность —
В мире странная бесконечность,
Вереница мгновений, эмоций.

Меж мирами зависло Солнце.

...Солнце сверху и над головами.
Что же ищем мы всё под ногами?
Или может явиться нагими
Средь людей? Мы и так все нагие...
Время рушит материи клетки,
Забывая про Главную... В сетке
Своих действий, своих же желаний,
Мы мечтаем о том, что не знаем.
Что бессильны любые порывы,
Там, где тело стоит на обрыве.
Совершенная грёз оболочка.
...завершаю рефлексию.
Точка.

Байка 11. Про названия и рефлексы

Мы сидели с Ганнибалом у монитора, мило попивая чай, и с некоторым удовольствием отмечаая растущее число читателей у предыдущей миниатюры, которую я выложила на ресурсе.

– Я же тебе говорил, что мой заголовок – сила?

Я вежливо согласилась, но всё же добавила:

– И как я согласилась, ума не приложу...

Перед отправкой миниатюры на сайт я отвлеклась ненадолго, умчалась заваривать чай, а мой плюшевый нажал на enter, перед этим умышленно заменив заголовок» Двое на отдыхе» на «Про отдых и большую грудь».

Я, конечно, порывалась заменить, но меня подкупило то, что я люблю больше всего – наблюдение.

– И ты смотри, всё ведь мужчины читали...

– А то, у нас одни рефлексы! И любим мы...

– Большую грудь! – хором закончили мы и рассмеялись.

Я прищурилась, наигранно грызя печенье:

– Ты где этому научился, человеческими интересами манипулировать?

Медведь отпил пахнущий корицей и кориандром чай, потом пожал плечами:

– Интернет. Великая сила развода.

–???

– По заголовкам как-нибудь походи, по рекламным... Еще не то научишься делать.

– А им... может, им всем стало немного обидно? Прошли по ссылке, а там вовсе не то.

Ганя улыбнулся довольнo:

– Любопытство еще и не туда заведет. А что до груди, так там её было много!

И мы продолжили пить чай.

Байка 12. Про мыльные пузыри, Wi-Fi и драму

Ганнибал сидел на краю ванной и, болтая ножками, читал что-то с телефона в Интернете. В воздухе рядом витали розовые нити Wi-Fi, и, иногда, когда Ганя обновлял страничку, мчались радужные облака информации.

Но естественно, этого никто не видел, даже Фея. Потому как Фея в данный момент училась дышать под водой.

– Нуууу, сколько? – выдохнула она, расплескивая воду и пену. Лицо её красное и в мыле, оттого она не смогла сразу открыть глаза.

– Два пятнадцать. – Наугад ляпнул Ганнибал, делая вид, что останавливает секундомер. – Ты такая молодец!

– Дрянь плюшевая, – прыснула Фейка, обливая его водой. Медвежонок фыркнул, прячась за занавеску и спасая телефон от брызг.

– Ладно, вылезь. Я больше не буду, – довольно протянула она через несколько минут. Но медведь решительно не возвращался, он сидел уже под ванной, разглядывая довольно на экране полуголых див и отвлекся лишь тогда, когда на него пошел дождь.

– Ууу, силиконовая долина, – раздалось над ним, и Ганя понял, что и не дождь это вовсе, а сырая Фейкина голова. Вода, пахнувшая кедром и ромашкой, стекала вниз по её черным прядям, падая сочными каплями на кафель.

– И не долина это вовсе. Это горные вершины, не ваше ровное плато! – Покосился Ганя, и тут же в испуге попытался забиться под ванну...

***

Фея лежала в ванной, пуская мыльные пузыри из трубочки. Воздух давно пропах смолой, благовония выкурились и теперь от них осталась серая выжженная полоса. На бельевой веревке, пришипленный за уши, болтался мокрый Ганнибал.

– Так-то лучше, – заметила Фейка, направляя в медведя новую порцию пузырей. – Блю, блю, блю кораблики, или как там поется? Не помню... Там тоже были мыльные пузыри.

А потом Фейка резко замолчала. Её глаза закрылись, безвольное тело слилось с пеной, уйдя с головой на дно, и Ганнибал слышал только плеск. Посмотреть вниз он не мог.

– Фейка, ты чего молчишь???? Ты чего молчишь, Фейка!! – он испуганно задергался, обрывая уши с прищепок, и через пару секунд смачно упал вниз, набухая горячей водой. Но даже такой он пробежался по дну, путаясь в Фейкиных ногах, и с трудом вытащил пробку из слива. Уровень стал падать, и единственное, что оставалось медведю, это поддерживать её голову над водой.

– Феечка... Дыши только... Ты же можешь! – шептал медвежонок, видя, как беззвучно её лицо. Он вытер пену с её глаз и прижался к ней еще сильнее. – Ты же знаешь, я не смогу сделать тебе даже искусственное дыхание...

Он скатился вниз и попытался набрать номер скорой помощи, но влажные, разбухшие от влаги лапки постоянно попадали не туда, набивая не те цифры на сенсорном экране.

Фея не дышала. Губы её начали синеть, тело не чувствовало холода и липкой пены, оттого, как вся вода сошла. Только волосы хранили тепло и аромат кедрового масла...

– Феечка, – проскулил Ганнибал, и попытался залезть обратно к ней, но не мог – наполнитель распух и тянул его вниз, не давая сделать шаг. Медведь обреченно посмотрел на экран и единственное, что мог сказать, это время жизни без кислорода.

– Восемь тридцать две. Ты не побила его рекорд. Петер Кола девятнадцать минут продержался.

– Девятнадцать и двадцать одну, дурачок. – Еле выдохнула Фея и попыталась размять затекшие пальцы. Глаза же у неё были зеленые, цвета весенней листвы, а не небесно-голубые. Когда Фейке страшно, глаза её всегда зеленеют.

– Ты меня напугала! – проорал Ганя, выжимая воду из плюшевого тела. – Никогда! Никогда больше так не делай, дуручка! Ты же знаешь, что я переживаю!

– Страх – единственный способ добиться от тебя помощи. – Она поморщилась, включила воду заново. Чистые струи быстро смыли и пену, и страх, и Фейкино бессилие. Затем она в охапку сгребла медвежонка и кусок мыла:

– Я тебе покажу ровное плато! Ты мне за все ответишь, подлый майский жук!

Но это уже совсем другая история...

Байка 13. Про болезнь и выходы

Фея устало вздохнула и легла на парту. Столешница была приятно холодной и успокаивала в какой-то мере горячий лоб.

– Фейка, ты столько хлама с собой носишь, я уже задолбался искать твои таблетки! – высунулся Ганнибал из сумки, где уже полчаса выискивал жаропонижающие.

– Уууу в левом кармане посмотри. – Выдохнула Фея и вжалась сильнее лбом в дерево парты. Но жар не проходил, наоборот, он, казалось, стекал с её лица вниз и заполнял все собой.

– С какой стороны у этой сумки написано, где левая сторона?! А *gauche*, а *droite*, – съязвил по-французски Ганя, откладывая словарь в сторону. – Чего его с собой таскаешь? У тебя франсе только в пятницу. Ты бы гистологию с собой лучше носила, вторая двойка за тест!

– Ну, не понимаю я эти странные тесты. Такое ощущение, что их создавали без всякой логики, ради галочки. – Фейка постучала легонько указательным пальцем. Стук этот был невообразимо жесток и громок, он бил по нервам с такой ужасной силой, что Фейка завывала.

– Логично устроенная ты наша. Ладно, потом ей устно сдашь, – Ганнибал спрыгнул со стула и, открыв термос, налил ей густой, наполненный ароматами мяты и меда, чай. Заставил выпить полностью, попутно впихав несколько драже витамина С.

– Фей, у тебя денег с собой сколько? – Спросил медвежонок.

Она сквозь зубы прожала:

– На все хватит, только тебе ни-че-го не продадут. И не смей шастать по аптекам, нечего людей на валериану подсаживать. Им потом кошмары после твоего прихода сниться неделю будут, как минимум.

– Нет, Фейка! Я, кажется, понял, как тебя вывести из этого состояния. – Зажмурился довольно Ганнибал и протянул ей шарф. – Одевайся, нечего здесь формалином дышать!

Через полчаса Фея уютно растянулась в кресле, посреди полупустого кинозала. Рядом сидел верный плюшевый, заботливо поправляя ей фиолетовый свитер. А на экране мелькали события красивой и по-детски трогательной сказки.

– Героиня замечательная! – Заметила Фея, довольная и покрасневшая. Боль отступила на задний план, температура упала до нормальной, а все остальное вернуло былое очарование жизни.

– Ты лучше. Когда спишь, правда. И лицом к стенке.

– Опилки сейчас свои на полу считать будешь, – хищно улыбнулась Фея и поцеловала Ганнибала в ухо. – Какое это у тебя? А *gauche*, а *droite*?¹

– Моё! – захихикал Ганнибал и прижался к Фее крепче. – Не более больше, пожалуйста... Ты у меня одна такая.

Фея улыбнулась и кивнула головой. А потом они продолжили смотреть мультфильм, и Фейка два раза плакала от умиления, но это уже совсем другая история.

---

¹ Фр. – слева, справа.

Байка 14. Про воспитание жестокости у Фей

Фея стояла на зимней остановке и плакала. Плакала тихо, потому что когда по-настоящему страшно – не рыдают, а тихо скулят. Слезы, такие горячие, несмотря на минусовой холод, катились по щекам. Наплевав на макияж и предстоящую учебу.

Фея боялась пошевелиться. Её прозрачные, эфемерные крылышки дрожали на ветру, но именно они сейчас держали Фейку на ногах. Если бы их не было, она упала бы кулем на грязный истоптанный снег и впилась бы жадно руками в мазутные лохмотья.

Фея плакала от боли, тихо и сдавленно. Кто знает, может, она не сразу поняла, что происходит с ней и что слезы – это действительно слезы. Но никто не слышал её – на остановке не было ни одной живой души. Суббота, восьмой час утра – люди спят. Мимо проезжали машины, такие же редкие и сонные. Водителям было все равно, кто и почему стоит на остановках в такое время.

А ведь несколько дней назад Фейка была счастлива. Её не давил страх, не сжимал с такой тяжестью легкие, не выворачивал мысли наизнанку. Вчера еще Фейка шла и улыбалась миру, кормила замерзших голубей и думала о скором приходе весны и бродячих собаках.

Собаки те бегали стайкой, около шести взрослых и пары маленьких, но уже оформившихся щенков. Щенки были веселые, бегали за мамашей черными тенями и игрались с прохожими. Правил стайкой серый поджарый кобель, который иногда лениво смотрел на Фейку, распластавшись на серой полосе теплотрассы посреди белого снега. Это пока они добрые, а наступит весна...

Но сейчас мысли были о другом, вернее, их совершенно не было. Этот самый кобель пять минут назад выполз на остановку из-за снежного сугроба, словно слепой. Сначала Фейка весело улыбнулась, видя знакомую морду, и хотела было нашарить в сумке что-то съедобное, как резко остановилась.

Это был как кадр из фильма ужасов. Тусклый свет лампочки, еле освещенный участок. Кобель полз к ней на передних лапах, глаза его были слепы и только по запаху, а может быть, совершенно случайно почувствовал кого-то живого.

Он полз вперед.

И он умирал.

Его пасть ходит ритмично, вверх-вниз, словно спазмом окатывает мышцы. Слово хочет оторвать что-то, но не может. Клыки еле прикрыты, шерсть стоит дыбом. Взгляд тупой и абсолютно растерянный. Передние лапы гребут по снегу, задние сломанными и безвольными плечами подобраны под тело. Хвост – мертвая лента. Ни одного звука. Вой или просто поскуливание – ничего. Лишь ошарашенное непонимание, что с ним. Тишина и предстоящая смерть.

Сначала Фея сжала кулаки. Зрелище это было ужасным и отвратительным, противоестественным. Что творилось в её душе? Отрицание смерти, отрицание предательства. За кобелем не тянулась красная полоса, снег не таял под ранами. Снег был чист и бел...

– Ганнибал, помоги мне... – Прошептала еле слышно она и закрыла глаза, не веря, что это происходит на самом деле.

Первая слеза скатилась неожиданно. До бедного сознания Феи дошло, что кобель действительно умирает и жить осталось ему недолго. Что ползет он к ней, не в силах понять, что происходит с ним, с его организмом...

Мощное, по-своему красивое животное было отравлено – Фея уже встречалась с подобным, когда соседского кобеля отравили из чувства мести и скотского желания расправиться с тем, кто слабее. Она не понимала этого, как не понимала нежелание людей стерилизовать животных и потом устраивать инвайт из новорожденных детенышей – просто добавь воды. Ее

не успокаивало даже то, что для таких людей Демиург придумал особый план духовного развития, воплощая их в каждом убитом же ими, но не ради выживания существе. Дорого аукнется...

...но сейчас не об этом, сейчас помочь животному Фейка не могла ничем. И собственное бессилие размазало её окончательно. Она только вжалась в стену автобусной остановки и плакала, кусая губы. И молила Демиурга этого Мира, чтобы с щенками было все хорошо...

Хотя вряд ли, пока все материально, против человеческой жестокости бессилён любой Бог.

***

– А как же ты была на учебе? – спросил у Фейки Ганнибал, видя вместо глаз пустоту. Она безвольно сидела в кресле, печатая текст и иногда вспоминая про дыхание.

Через пять минут она отвлеклась и посмотрела на медвежонка. Еще минуты три она молчала, а потом лишь ответила сухими губами:

– Я заперла это в себе. Заглушила полностью. Я дождалась автобуса и села в него. Да, я оставила пса умирать. Да, это выглядит жестоко в глазах тех, кто ожидал от меня помощи. Но я – ничто в сравнении со Смертью. Тем более такой беспощадной – его просто отравили.

– По законам жанра, ты была должна упасть на снег и рыдать рядом с ним. Я так понимаю, вести в ветеринарку его было бесполезно.

Фея посмотрела в потолок и прошептала:

– Мы рождаемся и умираем в одиночестве. Мы можем сопереживать другим при этом акте, но когда дело дойдет до нас, все равно – есть кто-то рядом или нет, итог ясен.

Ганнибал отложил книжку и залез Фейке на колени:

– Надо было взять меня с собой. Тебе было очень страшно?

Она промолчала, лишь зелень её глаз говорила вместо. Затем она отпила немного воды и повернулась к окну. Город жил своей жизнью, все также торопились куда-то люди и занимались своими делами.

– Я ненавижу их в такие моменты. Я понимаю, но не принимаю их Путь. Я понимаю ритуальное убийство ради выживания. Я принимаю и сама участвую в этом, с благодарностью за эту жертву. Но когда дело доходит до тех, с кем мы делим дом и еду... Мы в ответе за тех, кого приручаем. И если хотим забрать жизнь, то не таким коварным способом. Это подло, выдавать убийство за ласку и внимание.

– Демиург вернет им все сполна. Время здесь драгоценность только на время, – пожал плечами Ганнибал. – Хотя боль останется болью.

Фея промолчала и сделала погромче звук колонок. А потом болезненно подпела Макаревичу:

«И не склеить осколки,
И не вытравить мрак,
Видишь, как плодятся волки
Из бездомных собак...»²

А потом добавила:

– Они не бездомные. Они брошенные.

---

² «Брошенный Богом мир», исполнитель: «Машина Времени». Музыка Владимира Матецкого и Евгения Маргулиса, стихи Андрея Макаревича.

Байка 15. Про синдромы и шантаж

– Фейка, я – твой онейроидный синдром! Тебя лечить надо! – Первое, что сказал Ганнибал, увидев меня. Рядом с ним лежала куча книг.

Я отбросила сумку в сторону, наплевав на выпавшие из неё вещи. Потом соберу.

– С чего это вдруг? – пробурчала я, стягивая носки. – Утром еще была здоровой Феей.

– Ты просто являешься участницей переживаемой псевдогаллюцинаторной ситуации. То есть вот все, что сейчас происходит, все эти твои грёзоподобные переживания – они не имеют внешней проекции, разворачиваются внутри сознания, в субъективном психическом пространстве... – Последнюю фразу он явно долго учил.

– Ну, трындец. Ганнибал, как говорит наш общий знакомый, «вы заплыли за буйки», – с долей иронии заявила я, пытаюсь дотянуться до медведя и закрыть ему рот. Но он забрался в дальний угол подоконника, а мне было слишком лень слезать с кровати. Я плюнула на это дело и растянулась, пробуждая затекшие мышцы.

Стараясь дышать глубоко и ровно.

– Да не, Фейка, это же все серьезно. Ты чего шевелишься?! Тут написано, – он перелистнул страницу, – что двигательное возбуждения для онейроида нехарактерно. Оно возможно, но наблюдается редко. Напротив, чаще больные лежат в оцепенении, отрешены от окружающего, мимика однообразная, «застывшая».

Я попыталась изобразить услышанное, но через мгновение перевернулась на живот и принялась болтать ногами в воздухе. Левой рукой я нашарила под кроватью мыльные пузыри и принялась дуть. Вскоре вокруг меня летала армада разноцветных пузырьков, то и дело лопающихся перед самым носом так, что приходилось зажмуриваться.

– Я-то весь день думала, кто у меня учебник по психитарии из сумки вытащил? А это ты, Фрейд доморощенный!

– Тебе какая разница... Фейка, лечить тебя надо! Ты же который год с медведями плюшевыми разговариваешь, чай с ними пьешь, матерные часту...

– А вот про это не надо. Чего сочиняешь? Когда я таким занималась?

– Когда обценную лексику изучала.

– Аааа... – Что-то надо было делать. Если Ганя и Фрейда сейчас мне припишет, то ближайшие три часа мы будем танцевать среди книг, знаний и прочей чепухи, и прощай, мой отдых.

– Что там у тебя было? Надо бы разобраться. – И плюшевый хорошо поставленным голосом принялся декламировать. – Шоколад люблю горячий и цветные платья...

Отсчет пошел на секунды. Я резко встала, выхватила с полки книгу того самого Олеговича и чиркнула спичкой. Теплое пламя разлилось в воздухе, приятно щекоча пальцы и пугая бумагу.

– Ты не посмеешь! Ты не сделаешь этого! – пропищал испуганно Ганнибал, пытаюсь спрыгнуть с подоконника.

– Если ты не заткнешься, еще как посмею.

– Совсем больная?

– Судя по заявлениям, в Фей ты больше не веришь. – Я поднесла спичку ближе к книге.

– Гореть тебе в аду, ведьма! – Заявил Ганя, аккуратно складывая учебники и справочники по психологии.

– Ну, так-то лучше...

***

Через час мы мило сидели на том же подоконнике, я разливала чай, Ганнибал, свесив лапки, печатал что-то на телефоне. Все книги я у него забрала, поэтому все, что ему оставалось делать – это рыться в интернете.

– А у тебя, случаем, нет повышения порога восприятия всех внешних раздражителей и сонливости? – между делом, заявил он. Как будто невзначай. Я достала из-за спины книгу-закладницу и изобразила макание в чай.

– Ну, ты и... Фейка! Хорошо! Не буду! Только Олеговича не трогай. Олегович – наше все! И свет в окошке, и звезды над головой.

Я мило улыбнулась, еле прикрывая клыки. Затем отпила чаю, вдыхая свежесть мяты и яркость лимона.

– Ты мне оглушение хочешь вдобавок приписать?

– Угу, – давясь печеньками, кивнул Ганя.

– Я тебе сейчас устрою оглушение. С неблагоприятным течением.

– А что мне грозит?

– Судя по учебнику, переход в сопор или кому.

– А судя по тебе?

– В поцелуй, бестолочь ты плюшевая!

...но это уже совсем другая история.

Chorus. Речеть

*Написано под впечатлением прочитанного.
«Сердце Пармы», автор – Алексей Иванов*

Растекаюсь.
Я вода – мне больно...
Руки прочь! Я – ламия шальная!
Забываюсь.
В небе черный ворон
Прокричал. Я знаю – умираю...

Счастье в лентах,
Завивала косы.
Умывалась росой по утру.
Для кого?
Ответы на вопросы
Никогда уже теперь не получу.

Торопилась,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.